

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Немцы начали уже отступать. Жители нашей деревни почти все ушли в лес. Мне, 12-летнему подростку, поручили отвезти в лес маленькую сестрёнку. Повёз её днём на небольшой тачке. Когда переехал через шоссе, услышал за собой торопливые шаги. За нами бежал немец. Потом он начал стрелять. Пули свистели то слева, то справа. Мне хотелось бежать быстрее, но ноги еле двигались. Фриц догнал нас и остановил. Он начал целиться, но автомат не работал. Я весь похолодел от страха. Немец что-то поправил и прицелился. И в это время я громко крикнул: «Ма-а-ма!» Крикнул... и проснулся. Я был в холодном поту, и сердце моё учащённо билось. Прошло более 60 лет, но это никак не забывается...

...Шёл третий год кровопролитной войны. Хваленая гитлеровская армия потерпела поражение под Москвой, была разгромлена под Сталинградом. Красная Армия, одержав победу в Курской битве, смогла развернуть стремительное наступление на обширном участке фронта.

1943-й год, середина сентября. Жители Берёзок с нетерпением ждали освобождения от гнёта оккупантов, ждали прихода Красной Армии. Фронт приближался. Партизаны через своих связных сообщали о зверствах, которые чинили отступавшие оккупанты. Старики и подростки нашей деревни своевременно начали строить в лесу, рядом с лугом, кошары для домашнего скота и шалаши для людей. И когда началось движение немецких частей по шоссе на дороге Хотимск-Костюковичи, домашний скот перегнали в кошары. С каждым днём движение на дороге становилось интенсивнее. Люди спешно спасали своё добро. На задворках копали и стенки обставляли соломой, ложили мешки с зерном и мукой, одежду, обувь Домашнюю утварь. Ямы засыпали и маскировали.

Наша семья тоже занималась этим, но у нас возникли сложности. Заболела мама. А отец вот уже две недели жил в лесу, на нашей пасеке. И мы носили ему еду. Во время оккупации отец был дома. Дело в том, что в мае 1941 года, работая трактористом, он обрабатывал колхозное поле. Когда устранял неисправность одного агрегата (отец находился под трактором), по ошибке помощника трактор пошёл. Колесо трактора «ХТЗ» переехало по одной ноге отца и сломало кость выше и ниже колена. Отец еле успел выползти из-под трактора. Был уже 1943-й год, а повреждённая нога всё напоминала о себе. В нашей семье было четверо детей. Старший брат (1926 г.р.), я (1930 г.р.), младший брат (1934 г.р.) и сестрёнка. Ей шёл второй годик. Так что все работы мы выполняли под руководством дедушки. В июле 1941 года дедушка был назначен старшим по перегону колхозных коров и молодых коней в тыл. Сдав скот в тылу другой команде и получив на руки документы о его передаче, скотогоны возвратились домой только в декабре 1942 года.

Мы спрятали всё, что возможно было спрятать. Скот тоже загнали в кошару. Построили хороший шалаш.

23 сентября у нас состоялся своего рода семейный совет. На нём было решено следующее: дедушка остаётся дома. Приготовит мёд, сало, яйца и молоко на случай, если придётся просить немцев, чтобы не поджигали дом. И дедушке пришлось трижды выполнять это действие. А на завтра, 24 сентября, старший брат поведёт больную мать и младшего брата в лес. Дедушка закончит мастерить небольшую тачку на одном колесе. На жёрдках будет укреплен небольшой лёгкий ящик. Ранним утром, ещё до восхода солнца, мать и мои два брата покинули родной дом и потихоньку пошли в лес. К полудню тачка была готова. Установили ящик, положили в него подстилку и небольшую подушку. Теперь оставалось дожидаться вечера или раннего утра.

По этой дороге в лес я мог пройти с закрытыми глазами, потому что прошёл её ни раз ещё до войны. Но я побоялся ехать вечером и стал просить дедушку, чтобы он разрешил мне поехать после обеда. Дедушка еле согласился. После полудня мы посадили нашу малышку в ящик, и я двинулся в путь. Дедушка проводил нас за огороды. Мы стали ждать, когда освободится дорога от немцев. До шоссе было метров 300. Когда дорога стала свободной, мы быстро поехали. Преодолев половину расстояния, я заметил, что вновь начинается движение немцев. Остановил тачку за большой кучей картофельной ботвы. Стало страшно. Вот

уже скрылись последние машины. Но тут же появился мотоцикл с двумя автоматчиками. От нас они были метрах в 150. Я испугался ещё больше. К счастью, немцы не смотрели в нашу сторону. Они взяли какую-то ёмкость и пошли с ней к стоящей за дорогой ветряной мельнице. Открыли дверь и вошли внутрь. Когда вышли, из мельницы повалил дым. Фашисты сели на мотоцикл и поехали к другой, которая стояла против кладбища, недалеко от шоссе. Загорелась и она. А фашисты свернули с шоссе и поехали жечь колхозные сараи.

Я быстренько поднялся и поспешил через шоссе, свернул на дорогу, которая вела в лес.

Дедушка стоял за огородами и смотрел в нашу сторону. Нам пришлось ехать в 30-ти метрах от горящей мельницы. Дрожа от страха, я старался бежать быстрее. Ещё каких-то сто метров - и нас спасёт высокая конопля, которая росла по обоим сторонам дороги. Осталось всего несколько шагов, когда на шоссе появились автоматные очереди. Пули свистели рядом с нами. Я тут же свернул в коноплю. Попробовал толкать тачку, но густые заросли мешали. Тогда я быстро вытащил сестрёнку из ящика и с ней пополз. Стрельба прекратилась. Руки мои дрожали, я плакал от страха. Прошёл, согнувшись, на край конопли и посмотрел на шоссе. Последние машины уже были за кладбищем. Я взял сестрёнку, вернулся к тачке, выбрался на дорогу и продолжил свой путь.

Дедушка слышал и видел, что происходило. Когда всё стихло, он дошёл до конопли, нашёл наши следы, вышел на дорогу и убедился, что всё, к счастью, обошлось. А ведь могло кончиться иначе. Я получил от своих хорошую взбучку за то, что поехал в дневное время.

В лесу в тот день кипела работа. Старики вместе с подростками валили деревья на дорогу, чтобы немецкая техника не смогла пройти в лес, где в это время в шалашах жили люди.

Фронт приближался. Всё отчётливее была слышна артиллерийская канонада. Утром 26-го сентября 1943 года кто-то сообщил о том, что горят наши Берёзки. Почти все побежали на окраину леса. А подростки полезли на деревья, чтобы лучше видеть происходящее. Деревня была в огне. Как выяснилось потом, фашисты сожгли 87 домов из 230, были сожжены все колхозные постройки. Оккупанты ушли. Жители стали возвращаться. Кто-то вернулся в уцелевший дом, а кто-то - на его пепелище.

Вскоре появились бойцы Красной Армии. Они принесли освобождение от ига немецко-фашистских захватчиков. Тут были и слёзы радости, и горькие слёзы тех, чьи дома сгорели. Но жизнь продолжалась. И люди стали готовиться к зиме. Бани приспособляли под жильё, копали землянки. Кому-то посчастливилось определиться на квартиру к соседям, родным. В нашем доме зимовали ещё две семьи. Хотя нам и удалось спасти его от пожара, но война не обошла нашу семью стороной. Отец погиб на войне, а старший брат с войны пришёл инвалидом.

Заканчивается 61-й год с того времени, о котором я рассказывал. Но прошедшее никак не забывается. Те автоматные очереди и свист пуль я видел и слышал во сне сотни раз за свою жизнь. Иногда снится пылающая огнем ветряная мельница, около которой надо проехать... Иногда ползу по густой конопле и дрожу от страха... Видимо, память зафиксировала те эпизоды на всю жизнь, сделала их незабываемыми.

Семен САМСОНЕНКО, д. Берёзки.

Самсоненко, С. Незабываемое : [воспоминания С. Самсоненко об освобождении д. Берёзки 26 сентября 1943] / Семён Самсоненко // Шлях Кастрычніка.— 2009.— 2 ліпеня.— С.7.